

18+

Ирина Жданова

Дневник Кристин

Ирина Жданова
Дневник Кристин

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Жданова И.

Дневник Кристин / И. Жданова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Девушка во сне проживает настоящие жизни других людей, диаметрально противоположные судьбы, оставляя об этом записи в своем дневнике. Но это лишь верхушка айсберга, а что же скрывается за этими снами на самом деле?

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Часть 1

Кристин.

В очередной раз Кристин провалилась в сон, тягучий и цепляющий каждый сеанс своей непредсказуемостью, то она просыпалась в теле бородатого лесника на жесткой, вдавленной в дощатый настил ватной тряпице, воняющей клопами и дымом, то оказывалась в теле девочки с бездонными голубыми глазами в роскошном и ласкающем тело шелковом белье, пахнущем лавандовым ополаскивателем.

Каждый раз – как лотерея. Каждый раз приходилось вспоминать, на чем все закончилось в предыдущий раз. Кристин держала свой дневник запертым в ящике стола, ключ всегда висел у нее на шее в виде украшения, как символ вечной тайны, которой она ни с кем не могла поделиться. Ее головные боли лечились таблетками, а вот сны никак не поддавались контролю, иногда ей вообще казалось, что сон – это она сама. Все, чем я являюсь – это и есть сон, проговаривала она в наполненной по края горячей водой ванне. Ванна помогала ей чувствовать свое тело лучше, так она возвращалась в свою реальность, туда, где она была обычной, не самой яркой на вид 20-летней девушкой, медиумом с детства, видящей духов и ненавидящей собственную мать.

Еще помогало царапать руки или ноги ногтями, чтобы вернуться в себя, слишком много витаешь в облаках, Крис. Ты словно не от мира сего. В голове звучал голосом ее учительницы фон, пока она писала очередную задачку с неизвестными. Ей хорошо давались науки, но рассеянное внимание частенько подводило ее с самых первых лет учебы в школе, так что матери пришлось забрать ее на домашнее обучение. Оставшись вдалеке от одноклассников, которые хоть и сторонились Кристин, но тем не менее поддерживали в ней ощущение связи с людьми, девочка начала очень остро чувствовать себя в изоляции.

Мать давала ей возможность выйти в мир людей на выходных. Когда они обе наряжались в цветастые платья, мать брала плетеную сумку и шляпу, Крис накидывала на себя ее платок, оставшийся от прежней их обеспеченной жизни с отцом, Hermes, благородного красного цвета с узорами и казалась себе модницей с журнальной картинки. Мать смеялась весело, подводила глаза и губы, обязательно посылая себе в отражение воздушный поцелуй, один из тех моментов, когда Крис получала иллюзию близости и родства с ней, кратковременная вспышка тепла, которая потом внезапно переходила в отстранение и отчуждение на долгие дни, а то и недели. Мать принимала транквилизаторы, сколько Крис ее помнила в детстве, ей виделось в этом ритуале какое-то волшебство. Вот мать берет пузырек из шкафчика, откупоривает крышечку со звучным шлепком, наливает ровно треть стакана воды и закидывает голову вверх, от чего ее волосы кажутся еще длиннее.

Крис очень нравятся мамины волосы, они шелковистые и прямые, не то, что у нее. У Кристин волосы вьются постоянно, неряшливые локоны все время выбиваются из пучка. У нее волосы в папу светлые, а у мамы гладкие черные, как шерсть пантеры. Кристин ни разу не видела настоящих пантер, но они часто смотрели с папой программы про животных. Папе нравились такие передачи, никакой политики в их доме, никаких новостей, только добрые передачи про мир животных, птиц и насекомых.

Когда папы не стало, смотреть телевизор стало не с кем. И тогда-то и пришли ее первые видения. Вначале она видела папу, когда он уже умер и они начали привыкать жить обычной жизнью без него, как будто он приходит к ним в дом по вечерам и наблюдает за ней из-под потолка. Крис не знала, что так не должно быть и говорила об этом маме, удивляясь, что та ничего не может понять и ничегошеньки не видит сама. Мама всегда отмахивалась и открывала свой спасительный пузырек очередной раз. Кристин еще не знала тогда, что значит виновата, и почему мама всегда вспоминает папу со словами «вино и вата», при этом Крис представляла

маму с бородой, как у Санты, но если вата еще как-то укладывалась у нее в голове, то вино почему-то нет. Мама и папа никогда не пили алкоголь, не покупали и даже в гостях не притрагивались. Как она слышала урывками фраз, папа боялся, что его урюют или что-то такое. Пить было нельзя – таков был закон выживания. Но его все равно урюли.

Крис было пять, когда его не стало, маме было двадцать семь, практически пожилая женщина по мнению Крис, поэтому она не удивлялась, что мама больше не выходила замуж и даже не ходила на свидания в отличие от ее подруг, у которых были мужья тоже, но потом они почему-то превратились в козлов, и их пришлось отдать в зоопарк. Мамины подруги с годами нашли себе новых мужей и перестали приходить в их дом, у Крис подруг отродясь не было. Ее подругой, другом и исповедальней стал ее дневник, который она начала вести в возрасте 13 лет.

13 лет: 3 февраля 1981. Очередной мой день рождения. Сегодня была хорошая погода, мама купила в мясной лавке стейки и пожарила с овощами. Торт мы не пекли, вместо пирога со свечами у нас было безе, которое мама испекла сама. Было вкусно. Мама сказала, что любит меня и папу, что мы ее лучшие друзья. Мама очень хорошо выглядит, только грустит всегда почти. Я не знаю, чем ее порадовать. Сказала, что папа передавал ей привет, она не верит мне, что я его до сих пор вижу. На этот день рождения я загадывала, чтобы мне подарили какого-нибудь питомца, но у мамы аллергия на шерсть. Доктор прописал ей вино каждый вечер, чтобы она меньше плакала, только она все равно плачет.

У меня все хорошо, я вижу, что скоро я стану красивой, грудь у меня уже растет, надеюсь, что я буду похожа на маму, такая же высокая и стройная, как она. Сегодня я накрутила глаза и чувствую себя на миллион долларов, скоро я закончу обучение дома и поеду в колледж. Мама обещала отдать меня в комьюнити-колледж в соседнем городе, чтобы я училась на бухгалтера. Я люблю считать, это мое призвание. И видеть призраков – тоже мое призвание.

14 лет: 14 апреля 1982. У меня появился друг, его зовут Алекс. Он приходит заниматься со мной математикой, ему 17. У него красивый почерк. И улыбка. Мама говорит, чтобы я занималась все свободное время, если я хочу поступить. Я не хочу подводить маму, она так и плачет постоянно из-за папы. Она делает вид, что ничего не происходит, но от меня ничего не скроешь.

16 лет: 1 сентября 1983. Я в колледже. Началась настоящая жизнь. Дневник, я не брошу с тобой общаться, не переживай.

20 лет: 13 марта 1987. Я начала видеть сны. Странные сны, в которых я хожу и живу как наяву. Их два. Всегда два сценария. Что это я не знаю. Дневник, ты один это знаешь. Мне страшно от того, как я себя чувствую. Только ты даешь мне связь с реальностью.

20 лет: 16 августа 1987. Сны приходят каждый день. Я не знаю, как с ними справляться. Мне нужен еще один друг, Алекс далеко, мне его очень не хватает. Мама далеко, мне ее тоже не хватает. Папа рядом, но я не могу его потрогать. Мне грустно и страшно засыпать, я боюсь не проснуться больше никогда.

20 лет: 5 сентября 1987. Сегодня я опять видела себя в виде того бородатого мужчины, у него родилась дочь, такая же рыжая, как он сам. Он напился до полусмерти в прямом смысле, потому что подрался с соседом из-за досок, которые тот накидал возле двора. Пьяный полез в драку, жена не могла бросить ребенка и выйти посмотреть, что происходит, слышала только крики и наблюдала из-за шторы испуганно. Мне хочется, чтобы у него в голове появилось хоть что-то, кроме выпивки. Работает и пьет каждый вечер, дешевое пойло, мне кажется, он скоро умрет. Но оно и к лучшему, перестанет мне сниться, может.

20 лет: 6 сентября 1987. Я лежу в постели, до сих пор ощущаю на себе запах лаванды. Как будто я все еще в той роскошной спальне, где сейчас войдет прислуга и принесет воды с лимоном или молоко с печеньем. Там я больше всего люблю какао и мороженое сверху с шоколадной крошкой, люблю читать, у них (у меня) огромная библиотека. Я люблю Байрона

и Сильвию Плат, она напоминает мне мою маму. Байрон просто очень красиво слагает стихи. Я тоже хочу писать стихи, дневник, но у меня пока не получается.

20 лет: 7 сентября 1987. Опять снилась девочка, ее зовут Мария. Или меня зовут Мария? Она сегодня нашла под подушкой монетку, ей принесла ее зубная фея в обмен на очередной молочный зуб. Почему эта монета оказалась здесь в моей руке? Я начинаю путать реальности совершенно. Мне нужно сходить к доктору, который разбирается в снах. Но у нас таких нет. Мне нужно ехать в Нью Йорк, чтобы попасть на прием к гипнологу. Нужно накопить денег, чтобы записаться. Целых сто долларов. Мне придется работать три месяца и копить, копить и копить. Или ограбить старушку на входе в аптеку. Если бы я была тем рыжим бородачом, я бы точно кого-нибудь ограбила. А если бы я была той девочкой Марией, мне бы не пришлось ни о чем тужить до конца моих дней. Денег моих родителей хватит на всех моих пони, на всех моих будущих детей, если я захочу иметь детей. Но я хочу учиться в Принстоне, так говорит мой папа. Я буду юристом, это очень престижная профессия, там же я встречу будущего мужа, он тоже с Восточного побережья, папа будет очень доволен мной.

Кристин сжимает костяшки пальцев, они белеют и немеют, так она возвращается в свою дневную жизнь, чтобы перестать жить среди снов и реальности. Я жива, я не сплю.

Крис выложила дневник на столик у кровати, пролистав страницы до конца – дневник заканчивается. В одном из снов она увидела папу, который предупредил ее, что она уйдет, как только в дневнике закончатся страницы. С тех пор она начала подклеивать туда листы из разных тетрадей и блокнотов, чтобы он всегда оставался с запасом. В этот раз она забыла доклеить несколько раз подряд, теперь она не насчитывала и пяти страниц свободных.

8 сентября 1987. Дневник, дорогой мой, я пишу сегодня про свой сон очередной. Снился бородач. Его зовут Майкл, он мне ужасно не нравится. От него воняет, как от помойного ведра или от пьяницы, хотя он и есть пьяница. Он все время пьет. Я проваливаюсь в сон, и меня тошнит сразу же. Когда я в теле Майкла, мне всегда кажется, что в моей голове постоянно кутят черти, он не просыхает, а я ничего не могу с ним поделать. Стоит мне только заняться его здоровьем, как я просыпаюсь. Его жена с малышкой на руках уже устала от его выходов, от моих выходов то есть. Малышка стала лысая, ее рыжий пушок облез, теперь она похожа на сморщенную обезьянку. Я ненавижу младенцев, они орут вместе с ее мамашей и не дают мне спокойно пить. Я ненавижу себя, потому что вижу, что превращаюсь в животное, когда не пью. Я злюсь и бешусь по любому поводу, только выпивка примиряет меня с этим миром. Дорогой дневник, я пишу это и чувствую мерзкий запах этой самопальной бурды, которую Майкл пьет в баре в квартале от дома, которую он тащит с собой домой вместо продуктов, от которой он скоро умрет. Я так понимаю. Я скоро умру.

9 сентября 1987. Дорогой дневник, я вновь видела во сне Майкла, хотя очень надеялась, что хотя бы на этот раз мне приснится Мария. Я устала видеть и чувствовать это беспросветное существование, за что мне этот сон..Я чистила зубы после пробуждения минут десять кряду, но я продолжаю слышать его запах. От меня пахнет этим лесником. Мне срочно нужно найти сто долларов на прием у врача и на дорогу найти денег. Я так больше не могу. Духи говорят, что я сама выбрала эти сны, чтобы проверить, как я далеко зайду. Хватит ли у меня смелости дойти до самого конца. Проблема в том, что я не понимаю, какой конец имеется в виду. И есть ли он вообще. Жить так, как Майкл – это само по себе уже конец. Это вечная пытка. Мне очень жаль его жену, то есть мою жену. Она заслуживала лучшего обращения, чем я ей давал. Я обещал бросить пить, когда она забеременела, но не сдержал своего слова. Дорогой дневник, помоги мне понять, где здесь во всем происходящем Я? Дневник, мне нужно связаться с Алексом или мамой. Срочно. Пойду на станцию и наберу маме, надеюсь, что она еще не ушла с рабочего места, иначе я опять ее не застаю в ближайшие дни.

10 сентября 1987.

Часть 2

Мария.

– Нью Йорк всегда дает шансы на выживание, но только однократно. Если ты не смог один раз, тебе нечего делать в этом городе, детка. Нечего. – Мария отчитывала свою ассистентку за остывший кофе с намеренной жестокостью, ничего общего не имеющего с произошедшим по значимости. Ненавидела холодный кофе, терпеть не могла медлительность и нерасторопность помощницы, но уважала аналитический ум и ее способность делать для команды больше, чем максимум, поэтому до сих пор ее не увольняла. Мария вытянула одну из папок из общей кучи на столе и выпроводила ассистентку вон с папкой в руках. Всех вон, никого не хотелось видеть и слышать. Со вчерашнего вечера ее не оставляла в покое одна навязчивая мысль, что если это чья-то шутка, кто-то пытается ее разыграть или свести с ума, иначе как еще можно объяснить эту странную находку. Среди своих школьных и университетских наград, дипломов и прочих бумажных реликвий того периода она обнаружила нечто, что ей точно не принадлежало.

Старая тетрадь с крупно выведенными на ней чернильными буквами ДК, что расшифровывалось как Дневник Кристин на второй странице, при открытии тетради этот факт получал определение и понимание. На этом все прочие понимания отсутствовали, как эта тетрадь оказалась в ее бумагах, кто такая эта Кристин, почему ее дневник появился в моей жизни, откуда, черт возьми, эта Кристин знала меня?

В 1987 году Марии было пять лет, именно с того периода у нее начались приступы непонятной паники и мигрени, которые проходили так же внезапно, как и начинались. Никакие обследования и никакие специалисты не находили видимых отклонений по здоровью и психическому развитию девочки, врачи разводили руками и советовали отвезти малышку к морю и солнцу подальше от давящей обстановки мегаполиса, прописывали гомеопатические средства и парафиновые припарки, но влияло это все лишь на состояние чековой книжки отца. И то не слишком.

Мария росла спокойным и сдержанным в эмоциях ребенком, не любила расстраивать родителей, поэтому перестала жаловаться на головные боли со временем, они просто стали частью ее жизни.

Вот сейчас опять головная боль тупо отдавалась по вискам и растекалась по затылку, заставляя Марию еще больше нервничать и достать из минибара бутылку виски в одиннадцать утра. Через час у нее была назначена встреча с важным клиентом, поэтому бутылку пришлось вернуть на место со вздохом и обратиться к помощи традиционной фармацевтической продукции. Две таблетки?

– Не слишком меня расслабит? – не очень долго колебалась Мария, выбрав вариант с двумя таблетками вместо одной. Чтобы наверняка успокоиться. Беседа предстояла не из легких, дележ наследства с родственниками. Клиент предпочел, чтобы вся информация оставалась между ними, недвусмысленно намекнув на связи в правительстве штата, что при случае утечки информации не поздоровится никому, в том числе и Марии. Несмотря на ее вполне приличные связи, доставшиеся ей от папы, как, впрочем, и умение держать язык за зубами.

Встреча прошла достаточно спокойно, две таблетки были идеальным сопровождением для этой натянутой и лицемерной беседы. Да, мы сделаем все, чтобы ваши ожидания от нашего сотрудничества оправдались. Да, мы поддержим ваши интересы в суде, если потребуется. Естественно, до суда дело не дойдет, ведь Вы обратились к НАМ, мистер Вайссман. Мария была недовольна собой по итогу, как обычно, она никогда не бывала довольна собой целиком и полностью. Но сегодня у нее был веский повод – все время встречи ее сознание блуждало по строчкам того самого дневника, как навязчивая мелодия прицепилась и не хотела отпустить.

Чертов дневник, вот бы прийти домой и ничего не обнаружить больше. Все, как обычно. Никаких Кристин, никаких тетрадей, ничего. Мария все таки потянулась к минибару, время было уже послеобеденное, осудить ее было некому, так как помощницу она отправила в архив, добывать сведения по Вайссману. Что-то в нем ей не нравилось очень, откровенно сказать это вслух она не решалась даже сама себе, но интуиция подсказывала проверить его родословную и ближайших родственников. Так, а если разузнать в архиве про эту Кристин? Хотя фамилия ее нигде не указывается явно, тем не менее, не так уж много политиков убивали в тот период, чтобы это невозможно было не раскопать в два счета. Посчитать год убийства отца Кристин тоже не самая сложная задачка. Сложная – что она, черт возьми, делала в жизни Марии, в ее доме, в ее детстве, в ее голове?..

Всю дорогу домой Мария искала информацию в Гугле, опираясь на свои догадки, где могли жить Кристин и ее семья, территориально недалеко от Нью Йорка явно, раз она постоянно упоминала этот город в своем дневнике, но ничего не нашла. Никаких особо громких политических убийств не происходило в округе в этот период времени, так что, может быть, это была лишь фантазия девочки. Какой из них только? Кто из них существовал на самом деле и где происходило действие – не в голове ли одной из них? Или даже не их голове?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.